

СОФНЯ ПАРНОК

В ПОЛГОЛОСА

Стихи 1926—1927

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

МОСКВА

1928

2010513211

Эта книга напечатана в Госуд. тип.
ямени Ивана Федорова, Ленинград,
Звенигородская, 11, в апреле 1928 г.,
в количестве 200 номерovaných экз.

Главлит № А. 6227—4 л.

28-49617

Э К З Е М П Л Я Р

№

Есть бытие, но именем каким
Его назвать? — ни сон оно, ни бденье.

Боратынский

ier stehe ich und kann nicht anders.

Лютер

ПОСВЯЩЕНИЕ

Благодарю тебя, мой друг,
За тихое дыханье,
За нежность этих сонных рук
И сонных губ шептанье,

За эти впалые виски
И выгнутые брови,
За то, что нет в тебе тоски
Моей дремучей крови,

За то, что ладанкой ладонь
На грудь мне положила,
И медленней пошел огонь
По напряженным жилам,

За то, что на твои черты
Гляжу прозревшим взглядом, —
За то, что ты, мой ангел — Ты,
И что со мной ты рядом!

Изнутри просияло облако.
Стало вдруг светло и таинственно, —
Час, когда за случайным обликом
Проявляется лик единственный!

Ухожу я тропинкой узенькой.
Тишина вокруг — как в обители...
Так бывает только от музыки
Безнадежно и упоительно.

И какие места знакомые!
Сотни лет как ушла я из дому,
И вернулась к тому-же дому я,
Все к тому-же озеру чистому.

И лепечет вода... Не ты-ль меня
Окликаешь во влажном лепете?..
Плачут гусли над озером Ильменем,
Выплывают белые лебеди.

Я иду куда-то.
Утро, и как будто
В сапожки крылатые
Дивно я обута.
Ясность на поляне
И святая свежесть.
Воздух так и тянет
И земля не держит.
Каждый цветик — зрячий,
Вся листва — сквозная!
И как будто плачу я,
А о чем, не знаю.
И береза, в проседи,
Чуткий лист колышет...
Вы о чем-то просите,
А о чем — не слышу.

Мне снилось: я отчаливаю,
А ты на берегу,
И твоему отчаянью
Помочь я не могу.
И руки изнывающие
Простерла ты ко мне
В такой, как никогда еще,
Певучей тишине...

Я не умерла еще,
Я еще вздохну.
Дай мне только вслушаться
В эту тишину,
Этот ускользящий
Лепет уловить,
Этот ушывающий
Парус проводить...
И ныряют уточки
В голубой воде,
И на тихой отмели
Тихо, как нигде...

Только в снах, перерываемых стоном,
Чтобы не умереть во сне,
На такой певучей волне,
Над таким голубым затоном,
Всею грудью так вольно дыша,
Покачивается душа.

Ведь я пою о той весне,
Которой в яви — нет,
Но, как лунатик, ты во сне
Идешь на тихий свет.

И музыка скупая слов
Уже не только стих,
А переключка наших снов
И тайн — моих, твоих...

И вот сквозит перед тобой,
Сквозь ледяной хрусталь,
Пустыня лунно-голубой
Мерцающая даль.

А под навесом лошадь фыркает
И сено вкусно так жует...
И, как слепец за поводышкой,
Вновь за душою плоть идет.

Не на свиданье с гордой Музою
— По ней не стосковалась я, —
К последней, бессловесной музыке
Веди меня, душа моя!

Открыли дверь и тихо вышли мы.
Куда-ж девались луга?
Вокруг, по-праздничному пышные,
Стоят высокие снега...

От грусти и от умиления
Пошевелинуться не могу.
А там, вдали, следы оленьи
На голубеющем снегу.

Как дудочка крысолова,
Как ртуть голубая луны,
Колдует тихое слово,
Скляпка тайные сны.

Вполголоса, еле слышно,
Окликаю душу твою,
Чтобы встала она и вышла
Побродить со мною в раю.

Над озером реют птицы,
И вода ясна, как слеза...
Подымает душа ресницы —
И смотрит во все глаза.

Вокруг — ночной пустыней — сцена.
Из люков духи поднялись,
И холодок шевелит стены
Животрепещущих кулис.

Окончен-ли, или не начат
Спектакль? Безлюден черный зал,
И лишь смычок во мраке плачет
О том, чего не досказал.

Я невпопад на сцену вышла
И чувствую, что невпопад
Какой-то стих уныло-пышный
Уста усталые твердят.

Как в тесном платье, душно в плоти, —
И вдруг, прохладой дыша,
Мне кто-то шепчет: «Сбрось лохмотья,
Освобожденная душа!»

И вот расстались у ворот...
Пусть будет как завещено, —
Сегодня птица гнезд не вьет
И девка косу не плетет:
Сегодня благовещенье.

Сегодня грешникам в аду
Не жарче, чем в Сицилии,
И вот сегодня я иду
У Музы не на поводу, —
Друг друга отпустили мы.

В. К. Зялинцевой

Папироса за папиросой.
Заседаем, решаем, судим.
Целый вечер, рыжеволосая,
Вся в дыму я мерещусь людям.

А другая блуждает в пустыне...
Свет несказанно-синий!
Каждым листочком, грустные
Вздрагивают осины.

Расступаются сонные своды,
Открывается ясная пасека, —
«Падчерицы мои! Пасынки!...»
Вздыхает природа.

И распахнулся занавес,
И я смотрю, смотрю
На первый снег, на заново
Расцветшую зарю,
На розовое облако,
На голубую тень,
На этот, в новом облике
Похорошевший день...
Стеклянным колокольчиком
Звонит лесная тишь, —
И ты в лесу игольчатом
Притихшая стоишь.

Так призрачно и ясно так
Мне вспомнился тот полдень длинный,
И виноградник и ветряк
Крылатый в глубине долины.

И колесом кружилась тень
По закурчавленному долу,
И был мне тот стеклянный день,
Как день в раю, певуч и долог...

И как тогда, иду в тиши
И узнаю и свет и тени,
И родину моей души
Приветствую сердцебленьем.

Отлогий спуск. И поворот.
И три ступеньки к водоему, —
И вот, скиталица, и вот
Мы, наконец, с тобою дома!

Медленно-медленно вечер
Наплывает на тихую землю,
Медленно, ночи навстречу,
Выходит из леса олень.

Новое-ли божество
Своего высылает предтечу,
Старого-ли божества
Вижу печальную тень?

Друг-ли, утраченный мной,
Иль предчувствуемый в грядущем,
Этой волшебной тоскою
Вызван из небытия?

Темные ели к оленю
Простирают молитвенно лапы.
Я преклоняю колени
И закрываю глаза.

Под зеркалом небесным
Скользит ночная тень,
И на скале отвесной
Задумался олень —
О полуночном рае,
О голубых снегах...
И в небо упирает
Высокие рога.
Дивится отраженью
Завороженный взгляд:
Вверху — рога оленьи
Созвездием горят.

В полночь рыть выходят клады,
Я иду средь бела дня,
Я к душе твоей не крадусь, —
Слышишь издали меня.

Вор идет с отмычкой, с ломом,
Я-же, друг — не утаю —
Я не с ломом, я со словом
Вышла по душу твою.

Все замки и скрепы рушит
Дивная разрыв-трава:
Из души и прямо в душу
Обращенные слова.

Л. В. Эрарской

Я — как больной, из госпиталя
Выпущенный на простор.
Я и не знала, господи,
Что воздух так остер,

Что небо такое огромное,
Что облака так легки,
Что на лапах у ели темной
Светлые коготки,

Что мхи такие плюшевые,
Что тишина так тиха...
Иду я, в себе подслушивая
Волнение стиха.

Росинка дрожит на вереске,
Раскланивается со мной, —
И все еще мне не верится,
Что я пришла домой.

Смотрит радостно и зорко
Твой расширенный зрачок,
И в руке твоей просфорка —
Молодой боровичок.

Знаю, — никакой просвирне
Просфоры такой не спечь...
Сосны в сумрачной кумирне
Теплят воск зеленых свеч, —

И стоишь ты у обедни,
Тихая, как все вокруг,
Мой утешный, мой последний,
Мой благословенный друг!

Какой-то еле-уловимый признак,
Как после обморока мятный холодок, —
И вот уже, прозрачная, как призрак,
Ты вновь переступаешь мой порог.

И сквозь тебя, в распахнутой двери,
Как в занавешенной сквозной завесой раме,
Горит — неизъяснимое словами! —
Сиянье новорожденной зари.

И радуюсь и тихо плачу я
С какой-то неутешною отрадой...
А там, вдали, стеклянный звон ручья,
И шорох крыл и райская прохлада.

Все отдаленнее, все тише,
Как погребенная в снегу,
Твой зов беспомощный я слышу,
И отозваться не могу.

Но ты не плачь, но ты не сетуй,
Не отпевай свою любовь.
Не знаю где, мой друг, но где-то
Мы встретимся с тобою вновь.

И в тихий час, когда на землю
Нахлынет сумрак голубой,
Быть может, гостьей иноземной
Приду я побродить с тобой...

И загрущу о жизни здешней,
И вспомнить не смогу без слез
И этот домик и скворешню
В умильной проседи берез.

ПЕСНЯ

Дремлет старая сосна
И шумит со-сна.
Я к шершавому стволу,
Прислонясь, стою.
— Сосенка - ровесница,
Передай мне силу!
Я не девять месяцев, —
Сорок лет носила,
Сорок лет вынашивала,
Сорок лет выпрашивала,
Вымолила, выпросила,
Выносила
Душу.

За стеною бормотанье,
Полуночный разговор...
Тихо звуковым сияньем
Наполняется простор.

Это в небо дверь открыли, —
Оттого так мир затих.
Над пустыней тень от крыльев
Невозможно-золотых.

И прозрачная, как воздух,
Едкой свежестью дыша,
Не во мне уже, а возле
Дышишь ты, моя душа.

Миг, — и оборвется привязь,
И взлетишь над мглой полей,
Не страшась и не противясь
Дивной легкости своей.

... И вдруг, в полнеба, росчерк молний,
Сверкнула огненная вязь, —
И стала ночь еще огромней,
И музыка оборвалась.

Лежу я, повернувшись на бок,
И чувствую сквозь забытье,
Как в полном мраке брезжит слабо
Сознание томное мое.

Река течет, но не уносит,
А лишь покачивает чолн,
И чей-то голос, плача, просит
И надрывается — о чем?

О чем ты сетуешь и молишь?
Я здесь еще, на берегу.
Не отзываюсь оттого лишь,
Что отозваться не могу.

Пойми-же: перед вольной тенью
Уже мерцал певучий рай,
И миг последний воплощенья
Не торопи, не ускоряй...

Все тот-же сон! Возможно-ль? В третий раз
Проклятый сон!..

Пушкин

И вот мне снится сон такой:
Притон унылого разгула.
Вхожу, — и на меня пахнуло
Духами, потом и тоской.

Беспомощно гляжу окрест,
И мне переглянуться не с кем.
Эстрада тонет в тусклом блеске,
И надывается оркестр.

Астматик старый — барабан
Устал уже пыхтеть и охать.
В дыму табачном в балаган
Ползет отчаянье и похоть.

Сухой огонь струят смычки
И кровь подогревают рыбью.
Толпу качает мертвой зыбью,
И расширяются зрачки.

Нет горечи и пустоты
Опустошительней и горше!
В басах стальные ходят поршни,
Истомно ноют дисканты.

Под музыку творится дело,
Непостижимое уму:
Ледащий бес девичье тело
Приклеивает к своему.

Вселенной управляет ритм!
Юнец танцует вислоухий,
И зуб брильянтовый горит
В оскале хищном потаскухи...

А за окном заря встает,
Небесный голубеет купол, —
И друг о друга трет фокс-трот
Каких-то облянялых кукол.

ОТРЫВОК

Круглое небо. Простор унылый,
И зарево — не от заката.
Речка кровавым студнем застыла,
И месяц над ней шербатый.

Пусто очень и страшно очень,
А ветер свищет вдогонку.
Вся земля вокруг разворочена,
Выворочена воронками.

Бродит в смрадном, слащавом запахе
Смерть над полями голыми,
А впереди — на востоке, на западе —
Полымя!

Кто-то кричит. И в голосе воющем
Свой узнаю в смятеньи —
И поднимаются над побойщем
Шатким туманом тени.

Об одной лошаденке чагой
С выпяченными ребрами,
С подтянутым, точно у гончей,
Вогнутым животом.

О душе ее одичалой,
О глазах ее слишком добрых,
И о том, что жизнь ее кончена
И о том, как хлещут кнутом.

О том, как седеют за ночь
От смертельного одиночества,
И еще — о великой жалости
К казнимому и палачу...

А ты, Иван Иванович,
— Или как тебя по имени, по отчеству —
Ты уж стерпи, пожалуйста:
И о тебе хлопочу.

От смерти спешить некуда,
А все-таки — спешат.
«Некогда, некогда, некогда»
Стучит ошалелый шаг.

Горланят песню рекруты,
Шагая по мостовой,
И некогда, некогда, некогда
Мой друг, и нам с тобой.

Бежим к трамваю на площади
И ловим воздух ртом,
Как загнанные лошади,
Которых бьют кнутом.

Бежим мы, одержимые,
Не спрашивая, не скорбя,
Мимо людей — и мимо,
Мимо самих себя.

А голод словоохотлив,
И канючат куча лохмотьев
Нам, молчаливым, вслед,

Что тело к старости немощно,
Что хлеба купить не на что
И пропаду на горе нет.

Ю. Л. Римской-Корсаковой

Тихо плачу и пою,
Отпеваю жизнь мою.
В комнате полутемно,
Тускло светится окно
И выходит из угла
Старым обратнем мгла.
Скучно шаркает туфлями
И опять, бог весть о чем,
Все упрямей и упрямей
Шамкает беззубым ртом.
Тенью длинной и сутулой
Распласталась на стене,
И становится за стулом,
И нащиптывает мне,
И шушукает мне в ухо
И хихикает старуха:
«Помереть-не померла,
Только время провела!»

И отшумят тот шум и отгрохочет грохот,
Которым бредишь ты во сне и наяву,
И бредовые выкрики заглохнут, —
И ты почувствуешь, что я тебя зову.

И будет тишина и сумрак синий...
И встрепнешься ты, тоскуя и скорбя,
И вдруг поймешь, поймешь, что ты блуждал
в пустыне
За сотни верст от самого себя!

С. И. Чацкиной

И всем-то нам врозь идти:
Этим — на люди, тем — в безлюдье.
Но будет нам по пути,
Когда умирать будем.

Взойдет над пустыней звезда
И небо подыметя выше, —
И сколько песен тогда
Мы словно впервые услышим!

Е. Я. Тараховской

Мне снилось: я бреду впотьмах,
И к тьме глаза мои привыкли.
И вдруг — огонь. Духан в горах.
Гортанный говор. Пьяный выкрик.

Вхожу. Сажусь. И ни один
Не обернулся из соседей.
Из бурдюка старик-лезгин
Вино неторопливо дедит.

Он на меня наводит взор.
(Зрачок его кошачий стужен).
Я говорю ему в упор:
Хозяин! Что у вас на ужин?

Мой голос переходит в крик,
Но, видно, он совсем не слышен:
И бровью не повел старик, —
Зевнул в ответ, и за дверь вышел.

И страшно мне. И не пойму:
А те, что тут, со мною, возле,
Те — молодые — почему
Не слышали мой громкий возглас?

И почему на ту скамью,
Где я сижу, как на пустую,
Никто не смотрит?.. Я встаю,
Машу руками, протестую —

И тотчас думаю: Ну что-ж!
Итак, я невидимкой стала?
Куда теперь такой пойдешь? —
И подхожу к сну устало...

В горах, перед началом дня,
Такая тишина святая!
И пьяный смотрит сквозь меня
В окно — и говорит: Светает...

Унылый друг,
Вспомни и ты меня
Раз в году,
В канун Иванова дня,
Когда разрыв-трава,
Разрыв-трава,
Разрыв-трава
Цветет!

Старая под старым вязом,
Старая под старым небом,
Старая над болью старой
Призадумалася я.

А луна сверлит алмазом,
Заметает лунным снегом,
Застылает лунным паром
Полуночные поля.

Ледяным сиянием облит
Выступает шаткий призрак,
В тишине непостижимой
Сам непостижимо тих, —

И лучится светлый облик,
И плывет в жемчужных ризах
Мимо,

 мимо,

 мимо

Рук протянутых моих.

Из последнего одиночества
Прощальной мольбой, — не пророчеством
Окликаю вас, отроки-друзи:
Одна лишь для поэта заповедь
На востоке и на западе,
На севере и на юге —
Не бить
 челом
 веку своему,
Но быть
 челом
 века своего, —
Быть человеком.

Я гляжу на ворох желтых листьев...
Вот и вся тут, золотá-казна!
На богатство глаз мой не завистлив, —
Богатей, кто не боится зла.

Я последнюю игру играю,
Я не знаю, что во сне, что наяву,
И в шестнадцативаршинном рае
На большом привольи я живу.

Где еще закат так безнадежен?
Где еще так упокителен закат?...
Я счастливей, брат мой зарубежный,
Я тебя счастливей, блудный брат!

Я не верю, что за той межою
Вольный воздух, райское житье:
Зá морем веселье, да чужое,
А у нас и горе, да свое.

Я думаю с горечью: сколько я лет проспала
И как стосковалась по этому грешному раю!
Цветут тополя. За бульваром горят купола.
Сажусь на скамью. И дышу. И глаза протираю.

Стекольник проходит. И зайчик бежит по песку,
По мне, по траве, по младенцу в плетеной коляске,
По старой соседке моей — и гоняет тоску
С морщинистой этой, окаменевающей маски.

Повыползла старость в своем допотопном пальто,
Идет комсомолец со своей молодой спесью,
Но знаю: в Москве — и в России — и в мире — никто
Весну не встречает такой благодарною песней.

Какая прозрачность в широком дыхании дня...
И каждый листочек — для глаза сладчайшее яство.
Какая большая волна поднимает меня!

Живи, непостижная жизнь,
расцветай,
своевольничай,
властвуй!

На Арину осеннюю — в журавлиный лёт —
Сбиралась и я в странствие,
Только не в теплые страны,
А подалье, друг мой, подалье.

И дождь хлестал всю ночь напролёт,
И ветер всю ночь упрямоствовал,
Дергал оконные рамы,
И листья в саду опадали.

А в комнате тускло горел ночник,
Колыхалась ночная темень,
Бегели саваном простыни,
Потрескивало в старой мебели...

И все, и все собирались они, —
Возлюбленные мои тени
Пировать со мной на розстани...
Только тебя не было!

Что-ж, опять бунтовать? Едва ли, —
Барабанщик бьет отбой.
Отчуждали, откочевали,
Отстранствовали мы с тобой.

Нога не стремится в стремя.
Даль пустынна. Ночь темна.
Отлетело для нас время,
Наступают для нас времена.

Если страшно, так только немножко,
Только легкий озноб, не дрожь.
К заплаканному окошку
Подойдешь, стекло протрешь —

И не переулок соседний
Увидишь, о смерти скорбя,
Не старуху, что к ранней обедне
Спозаранку волочит себя.

Не замызганную стену
Увидишь в окне своем,
Не чахлый рассвет, не антенну
С задремавшим на ней воробьем,

А такое увидишь, такое,
Чего и сказать не могу, —
Ликование световое,
Пронизывающее мглу!..

И женский голос, ликуя,
— Один в световом клире —
Поет и поет: Аллилуйя,
Аллилуйя миру в мире!..

Прекрасная пора была!
Мне шел двадцатый год.
Алмазною параболой
Взвивался водомет.

Пушок валился с тополя,
И с самого утра
Вокруг фонтана топала
В аллее детвора,

И мир был необъятнее,
И небо голубей,
И в небо голубятники
Пускали голубей...

И жизнь не больше весила,
Чем тополевыи пух —
И страшно так и весело
Захватывало дух!

Кончается мой день земной.
Встречаю вечер без смятенья,
И прошлое передо мной
Уж не отбрасывает тени —

Той длинной тени, что в своем
Беспомощном косноязычьи,
От всех других теней в отличие,
Мы будущим своим зовем.

Памяти А. К. Герцык

Играй, Адель,
Не знай печали.

Пушкин

И голос окликнул тебя среди ночи,
И кто-то, как в детстве, качнул колыбель.
Закрылись глаза. Распахнулись очи.
Играй, Адель! Играй Адель!

Играй, Адель! Не знай печали,
Играй, Адель, — ты видишь сны,
Какими грезил в начале
Своей младенческой весны.

Ты видишь, как луна по волнам
Мерцающий волочит шарф,
Ты слышишь, как вздыхает полночь,
Касаясь струн воздушных арф.

И небо — словно полный невод,
Где блещет рыба чешуя,
И на жемчужных таях с неба
К тебе спускается ладья...

И ты на корму, как лунатик, проходишь,
И тихо ладья накрывается край,
И медленно взглядом пустынным обводишь
Во всю ширину развернувшийся рай...
Играй, Адель! Играй, играй...

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Посвящение	9
Изнутри просияло облако	10
Я иду куда-то	11
Мне снилось: я отчаиваю	12
Я не умерла еще	13
Только в снах	14
Ведь я пою о той весне	15
А под навесом лошадь фыркает	16
Как дудочка крысолова	17
Вокруг—ночной пустыней—сцена	18
И вот расстались у ворот	19
Папироса за папиросой	20
И распахнулся занавес	21
Так призрачно и ясно так	22
Медленно-медленно вечер	23
Под зеркалом небесным	24
В полночь	25
Я—как больной, из госпиталя	26
Смотрит радостно и зорко	27
Какой-то еле-уловимый признак	28
Все отдаленнее, все тише	29
Песня	30

За стеною бормотанье	31
И вдруг	32
И вот мне снится	34
Отрывок	36
Об одной лошаденке чайой	37
От смерти спешить некуда	38
Тихо плачу и ною	40
Забилась мы в кресло	41
И отшумит тот шум	42
И всем-то нам врозь итти	43
Мне снилось: я бреду впотьмах	44
Унылый друг	46
Старая под старым вязом	47
Из последнего одиночества	48
Я гляжу на ворох желтых листьев	49
Я думаю	50
На Арину осеннюю	51
Что-ж,—опять бунтовать	52
Прекрасная пора была	54
Кончается мой день земной	55
Памяти А. К. Герцык	56

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

«Стихотворения». Петроград 1916 г. (распродано).

«Розы Пиерри». Изд-во «Творчество» Москва 1922 г.
(распродано).

«Лоза». Изд-во «Шиповник» Москва 1923 г.
(распродано).

«Музыка». Изд-во «Узел» Москва 1926 г.